

НАЦИОНАЛИЗМ РОМАНТИЧЕСКИЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ

Автор классического исследования «Национализм» (СПб, 2010) английский историк Эли Кедури вынес такой приговор: «Расы, языки, религии, политические традиции и связи так перемешаны и запутаны, что нет убедительной причины понять, почему люди, говорящие на одном языке, но чья история и отношения различны, должны образовывать одно государство, или почему люди, говорящие на двух различных языках, но сплоченные историческими обстоятельствами, не должны образовывать одно государство».

«С уверенностью можно сказать, что создание национальных государств, унаследовавших положение империй, не было прогрессивным решением. Их появление не способствовало ни политической свободе, ни процветанию, их существование не укрепляло мир. По сути, национальный вопрос, который, как надеялись, будет решен с возникновением этих государств, лишь обострился».

Раз за разом припечатывая национализм подобными формулировками, Кедури вместе с тем отказывается даже обсуждать, какие общие причины объясняют его возникновение: «Этот поиск общего объяснения, обобщения можно назвать социологическим соблазном».

Попробуем, однако же, поддаться этому соблазну.

Мне кажется, что **универсальная функция, которую выполняет национализм везде и всюду, это экзистенциальная защита личности, ее защита от абсолютно обоснованного чувства своей эфемерности и незащитности перед безжалостным мирозданием. И с тех пор как многократно ослабела экзистенциальная защита, даруемая религией, так же многократно обострилась человеческая потребность прильнуть к чему-то сильному и хотя бы потенциально бессмертному – по крайней мере, не**

обреченному гибели в заранее отмеченный срок. Подавляющему большинству такое символическое бессмертие проще всего заполучить через причастность к нации. В особенности, если эта нация гремит или блистает на исторической арене, оставляя долговечный («бессмертный») след в человеческой памяти.

Здесь-то и может помочь романтический национализм. Не геополитический, вечно борющийся за чистоту и полноту своих рядов – кого-то присоединить, кого-то изгнать, - а романтический, создающий для народа поэтическую родословную. Он изучает народную культуру, предания, отыскивает и воспекает в своей истории героев и святых и этим делает людей лучше, благороднее, пробуждая в них желание быть достойными великих предков.

Покуда его не берет на вооружение национализм геополитический, который решительно все превращает в средство подавления: так наступательный национализм порождает оборонительный.

Иными словами, борьба за национальное самоопределение - это **борьба за символическое бессмертие**, и терроризм – оружие проигрывающих. В борьбе, выражаясь помудренее, за историческую субъектность.

Концентрирующуюся чаще всего в исторических личностях, при этом почти безразлично, вошедших в историю со знаком плюс или со знаком минус. Тем более что общечеловеческих плюсов пока что не предвидится: ведь их обычно выставляют за победу над кем-то, но не может же человечество восторжествовать над самим собой! Вот освобожденные от советского диктата монголы и устанавливают памятник Чингисхану, французы никак не могут забыть Наполеона, мы Сталина, а сербы называют улицу в Белграде и ставят памятник Гавриле Принципу, запустившему череду чудовищных бедствий. Все равно это след в истории, символическое бессмертие.

Правда, именем одного из отцов электрической цивилизации Николы Теслы в сербском Белграде назван аж целый аэропорт, да и в Подгорице

(главный город Черногории), и в Загребе (столица Хорватии) имеются улицы его имени. Видите, скольким народам один-единственный гений укрепил экзистенциальную защиту! Причем у всех у них есть основание считать себя причастными к его становлению: серб по национальности, Тесла родился в Хорватии, а учился в Австрии и Чехии, и не каждый вспомнит, что вся история его становления на самом деле протекала в одной стране – в Австро-Венгерской империи.

А если бы все перечисленные страны уже тогда были разделены государственными границами, еще неизвестно, как бы сформировался его талант. Хотя даже в самом счастливом случае реализовать свой дар в маленьком государстве он все равно бы не сумел, ибо грандиозные проекты, для которых был рожден Тесла, для небольших государств неподъемны. Наш Король тоже не обрел бы бессмертие, если бы не имел в своем распоряжении целую промышленную империю.

Намек ясен? Отделяясь от империй, малые народы не укрепляют, но ослабляют свою экзистенциальную защиту, не укрепляют, но ослабляют свою историческую субъектность – оказываются еще дальше от исторического творчества, от возможности оставить бессмертный след в истории. В Большой Игре великих держав, чье величие измеряется прежде всего возможностями наносить неприемлемый ущерб, они все равно остаются пешками. Но, самое обидное, – с обретением независимости у них резко падает возможность возвращать собственных гениев, являющихся, на мой взгляд, главным достоянием человечества, главным оправданием его земного бытия и главной для его безрелигиозной части экзистенциальной защитой. Вспомнив имена Бетховена, Микеланджело, Толстого, Ньютона, даже самый заматерелый циник невольно почувствует: да, человек – это, пожалуй, звучит все-таки довольно гордо.

Но, чтобы возвращать гениев, нужно забрасывать сеть очень широко и воспитывать их на общении с высочайшими образцами. И есть огромная разница, выбирать из миллионов или из тысяч.

Дело, впрочем, не только в количестве молодежи, из которой производится отбор, хотя и в нем тоже, – дело еще и в качестве ее воспитателей. Представим, что какая-то российская область в силу особенностей происхождения или языка вообразила себя отдельной нацией (а нация и создается системой грез) и выделилась в самостоятельное государство. Тогда декан местного пединститута сделался бы президентом Национальной академии, краеведческий музей превратился в Национальный, единственный член Союза художников оказался бы родоначальником национальной живописи, а член Союза писателей автоматически вырос в национального классика. При этом все они, даже будучи одаренными людьми, поневоле оказавшись высшими достижениями своего народа, вместо стимулирования исторического творчества, поневоле начнут его глушить, задавая слишком низкую планку.

А одаренная амбициозная молодежь, которая прежде ехала «поступать» в Москву и Петербург, не покидая при этом собственного государства, будет вынуждена уезжать, пусть и туда же, но уже за границу.

И какая сила заставит их вернуться на свою теперь уже не «малую», а просто родину? Забота об отечестве? Но они ничем не смогут послужить ему, прозябая без необходимых ресурсов и сообщества равных. Есть, конечно, профессии, не требующие особых материальных средств, – скажем, теоретическая физика или филология, – и тогда один гений, вроде Бора или Лотмана, может превратить вчерашнее захолустье в научную столицу; однако и в этом редчайшем случае с его уходом как правило теряется и «столичный» статус. Да и самих таких наук гораздо меньше, чем борющихся за бессмертие малых народов.

Теоретически, правда, можно допустить, что во главе государственного новообразования станет новый Лоренцо Великолепный, который начнет покровительствовать талантам, расходуя на необходимую им инфраструктуру те ресурсы, которые рядовая масса желала бы потратить на жилищное строительство, здравоохранение и пенсионное обеспечение, –

однако в век демократии такой народный вождь вряд ли надолго засидится в президентском кресле. Народы, остро нуждаясь в экзистенциальной защите, редко, однако, сознают, что именно успехи их национальных гениев защищают их самих от чувства исторической ничтожности, которое они частенько начинают глушить геополитическими эскападами.

Короче говоря, именно тогда, когда нации занялись самообожествлением, империи для малых народов начали становиться в гораздо большей степени орудиями усиления и обогащения, орудиями обретения исторической субъектности, чем орудиями ее подавления, в гораздо большей степени орудиями формирования экзистенциальной защиты, чем орудиями ее разрушения. Лучшей защищенности, к слову сказать, национальным меньшинствам легче достичь в более «отсталой» империи, где на продвинутые малые народы взирают со смесью раздражения и почтения, чем в «передовой» цивилизации, взирающей на новичков свысока.

Империи, чья коллективная экзистенциальная защита открыта для всех желающих (в отличие от наций, стремящихся замкнуться в себе), едва ли не единственное средство вовлечь народы в общее историческое дело. В тех случаях, разумеется, когда имперская власть служит величию и бессмертию имперского целого, а не националистическим химерам. Немцы в царской империи, евреи в ранней советской сделали более чем достаточно и для государства, и для собственной экзистенциальной защиты – и продолжали бы служить тому и другому верой и правдой, если бы Сталин не принялся превращать империю в национальное государство. Одновременно истребляя и русских национальных романтиков, – служащих уже не имперской, а национальной экзистенциальной защите, – поскольку справедливо усматривал в них угрозу межнациональному равновесию.

Кедури еще застал распад советской «империи зла» и, как и следовало ожидать, отнесся без всякого энтузиазма к появлению новых, не успевших набраться опыта и ответственности игроков на международной арене. Он

даже успел высказаться в том духе, что международная политика не может руководствоваться возвышенными рассуждениями, кто из игроков воплощает добро, а кто зло, но должна стремиться к старому, хотя и недоброму принципу равновесия сил. А покуда право наций на самоопределение будет считаться священной коровой, пред которой должны расступаться все существующие государства, это равновесие будет постоянно нарушаться и вводить в соблазн все новых и новых авантюристов, мечтающих тоже пробиться в историю в качестве отцов-основателей новых государств, укрепив личную экзистенциальную защиту до полной бронебойности и ослабив ее у своего народа, может быть, даже навеки.

Национальное самоопределение должно быть низведено из права в простое пожелание, чья осуществимость целиком зависит от цены, которую за его исполнение придется заплатить миру – непременно с учетом возрастающей либо падающей способности самоопределяющихся народов возвращать собственные таланты, кои уже давно пора объявить **общим достоянием человечества** наряду с выдающимися красотами природы и архитектурными шедеврами. (Намек адресован ЮНЕСКО, тоже очень озабоченной разнообразием национальных культур и мало обеспокоенной творческим потенциалом этих культур, их способностью расширять наши представления о пределах человеческих возможностей.) И это вовсе не значит, что нужды национальных меньшинств должны подавляться в многонациональных государствах, почему-то как черт ладана страшящихся принять на себя имперское имя и имперскую ответственность, которой они все равно не в силах избежать. Избежать в том числе и ответственности за меньшинства, готовые впасть в националистическое безумие.

Сдерживать, однако, подобные безумства может лишь тот, кто сам от них свободен. Народы, на которые прихоти истории возложили имперское бремя, должны помнить, что имперский принцип требует преодоления национального эгоизма во имя более высокого и многосложного целого. От имперских народов требуется великодушие, умение любить чужое, к

которому когда-то призывал русский народ Достоевский. Умение воспевать чужое и тем привлекать его к себе.

Имперский принцип, в частности, требует не подавлять экзистенциальные нужды меньшинств, но напротив всячески поощрять их утоление в созидательной, а не агрессивной исторической деятельности. Для чего необходимо открывать как можно более широкую дорогу их особо одаренной молодежи к элитарному образованию, к работе в высокой науке и высокой культуре. Ибо каждый возвращенный империей гений, вышедший из национального меньшинства, есть сильнейший удар по национальной агрессии и национальному сепаратизму.